

Неотения. Секс-бактерии

Category: Goşgular, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Неотения. Секс-бактерии НЕОТЕНИЯ. СЕКС-БАКТЕРИИ

- **Комментарий Петра Разумова:**

«Неотения» для меня маленький шедевр. Верлибрический перехлест, когда ты не скован размером строки, рождает незастопоренную речь, которая всё длится и длится, пока не выкатится последняя слеза. Это стихотворение о любви, но любовь дана через сочувствие, через солидарность с жертвой Тени, которая нависает над русской девочкой, над любым ребёнком, попавшим под гнёт «нормальности», которая всегда обрезает тебя до трафарета, «неотении». Рассказчик как бы ведёт этого ребёнка по его жизненному сюжету, пути жертвы, предлагая выбрать свободу: «Талифа куми!» («девица, встань!»). Но это оказывается невозможно, потому что подчинение свято особой теневой святостью, неизживностью, неотменимостью. Закон, психологический и культурно-исторический, срабатывает как ловушка свободного субъекта, делающая из него жертву с пресловутым стокгольмским синдромом. Этот закон, «клетка», которая упоминается в стихотворении, существует. Она существует в уме, в чувственности, и, несмотря ни на какие доводы другого, светлого сердца, тёмное не отдаст своей несвободы. И эти два сердца – одно расщеплённое сердце. Оно расщеплено на «за» и «против» Отца, «за» и «против» себя, «за» и «против» друга, который покидает героиню и читателя со словами «пусть это останется здесь» – то есть останется уликой того, что (не)случилось. Девочка не победила, герой уходит в свой мир, где она жива как «неотения», Психея опыта, очень личного для всех: автора, героини, которая, возможно, это прочитает, для нас, читателей. «Секс-бактерии» ещё более «упрощённый» текст, лишённый обычных, если не сказать консервативных, признаков художественности. Но эта самая «художественность» здесь просто приобретает другое измерение.

Если фантазия создаёт сюжет, может бежать за образом, продолжать мысль и строить композицию – это отчётливо видно и «работает» сильнее, то есть мы как читатели очаровываемся внезапностью и непосредственностью этого оголённого, очищенного от «лишнего» – всяких виньеток, лепнины – повествования, речи как таковой, всех её формальных и коммуникативных потенциалов. Главный эффект верлибра по-русски – это разговор «на голубом глазу», это некая исповедальная интонация, возможно, философская, когда реальное дано в разрыве формы, конвенциональной формы, которая как морок, Майя, не даёт бытие в ощущении, а только запутывает, бесконечно погружая в саму поэтическую традицию, а не разворачивая к читателю или хотя бы своему чувству, ведь оно должно быть объяснено или просто прожито. И последнее, что хочется отметить, – это то, что политику и сексуальное возможно описать только через разрыв с прошлой культурой, русской, консервативной, патриархальной, – культурой «отцов», которая выработана как шахта, ведущая вглубь, но не к чему-то. Возможно, Ростислав Амелин, чьи поиски продолжают естественным образом небывалые утопические проекты Николая Фёдорова и Андрея Платонова, найдёт некие перемины и высветит то, что было тогда в зоне актуального, в новом, нашем, кажущемся свертехнологическим чудом. Возможно, эта старая повестка по отношению к пришедшим временам ещё не снята или обнажена заново, или переформулирована, или дополнена чем-то важным. Ведь это один из самых интересных ходов, стратегий, поисков внутри поэтического проекта. Этот проект у Ростислава похож на модели первых самолётов, громоздкие лёгкие конструкции для исполнения мечты. Начало авиации – конец Жар-птицы? Возможно, да, возможно, она просто стала внутренним образом технократического мира, который не расколдован. И поэт делает эту работу, и обнажая, и не тревожа, и преобразуя.

• НЕОТЕНИЯ

«0, роза, твой плод болен!
Тот невидимый червь,

прилетевший в ночи
сквозь бурлящий шторм,
отыскал колыбель,
где цвела твоя радость,
и любовью своей
отравил ей жизнь».

В. Блейк

*

Эта клетка давно мала тебе,
но ты носишь её как приличный зверь –
папа любит, когда ты в ней,
как ты в ней прихрамываешь.
Все довольны этой клеткой,
ведь она – правильная, она – как надо!
Ключ валяется где-то там,
может быть, в постели,
где родители спали столько лет назад,
с тех пор нетронутой, незаправленной,
но копаться в грязном белье –
унизительно, мерзко.

Эта песня о тех,
кто несёт свое тело как крест
со смирением праведников,
осознавая свой путь как жертву
во имя тех, кто их запер.

*

На моих устах – печать,
она жжёт мне губы чернилами,
Эти чернила с ядом – они горят,
чтобы снять её, нужно сказать всю правду,
таково проклятие.

Но нельзя.

Даже когда нам стукнет по 50.

Сей порочный круг доедает многих,
кто встречался с проклятыми,

кто пытался говорить с ними о больном,
наблюдая, как пульсируют травмы,
пытаясь сделать хоть что-нибудь
для него или для неё,
наступая на те же грабли, что и прочие,
кто впадал в их отчаяние за компанию,
и потом просыпался сожранным.

Имя им – легион детей,
изуродованных насилием в доме,
которое им объясняют как “правильное”,
ведь они “плохие”, “заслуживают”,
плохо вытерли,
громко всхлипнули,
недостаточно стали раком,
хмуρο выглядят,
не настоящие мальчики,
не настоящие девочки,
низкокачественные люди,
почти как вещи,
никому не нужные,
по сравнению с теми, кто травит их.

*

В тот вечер, когда я тебя ударил,
твоя подруга, которая приставала ко мне,
говоря о тебе, сказала,
что вся твоя жизнь – служение,
и ты сделаешь всё, чтобы папа жил
как можно лучше и дольше,
что такова твоя “жизненная программа”.
Я был в шоке, знаешь,
после всего, что я знал и видел,
о чём догадывался.
Я в ту ночь сорвался, просил с слезами:
пойдём к подруге, пойдём куда-нибудь,
только не домой!

“Ты не понимаешь”, услышал я.

Я тогда всё понял.

Северная Корея.

Иногда я целый день читаю о ней,
изучаю редкие фильмы,
где показано нечто реальное,
а не созданное внутри, для таких, как я.

Это место страшное, но счастливое.

Там все счастливы,
ведь иначе нельзя – лагерь, пытки,
нужно сеять рисовые поля,
бесплатно, за агитку с толстыми стариками,
у которых на лицах та же
печать неотении.

В этих лицах, скорчившихся от счастья
при встрече с Кимами,
я узнал тебя, твою мимику.

*

Самое страшное случается в тех домах,
где нельзя говорить о травмах.
Это видно по искусственным жестам, фразам,
В тех домах происходит то, о чём никогда не скажут,
говорится то, чего никогда не сделают,
пока кто-нибудь не откроет дверь,
спрятанную за столетним шкафом,
за которой – ад,
личный ад, в который они не верят.

Я ласкал твои руки, уши,
слушая рассказы о бабушке,
как она росла, как родился папа,
про военную службу деда и прадеда.
Я задумался, пока внимательно слушал,
почему это так важно тебе,
именно сейчас,
ведь всё это – сказка,

то, что никогда не принадлежало
тебе как память,
может быть, никогда и не было!
Почему она?
Почему не реальность?

*

Когда мы умираем,
наша боль переходит к растениям;
мы привыкли служить тиранам,
нас так воспитали:
либо ты подчиняешься и хранишь молчание,
либо тебя терзают.
Если кто-то увидит,
что ты несвободен, заперт,
если кто-то узнает, что ты
подчиняешься идиотским правилам,
этот позор нельзя искупить обычным раскаянием.
пусть этот яд тихо травит тебя,
но не убивает –
таково проклятие.

Печать неотении – корка на гнойной ране.
Те, кто заслужил её, виноваты сами,
это их свобода,
либеральная,
так им объясняется каждый вечер заново,
после наказания.
Я люблю человека с такой печатью.
я неравнодушен к людям с такой печатью.
Я испытываю гнев и отчаяние,
я не могу ничего исправить,
не могу никого заставить что-то сделать,
но что-то всё время тянет меня
снять печать,
сорвать её, даже с мясом, с тела,
которое прокликает себя

за то, что делает.

*

Твой рассказ о призраке,
который посещал тебя –
неком человеке,
имени которого ты не знаешь,
я тогда смеялся,
считал, что ты придумываешь,
связан ли он с тем, что стены
в вашей узкой сталинке
почему-то полые, словно трубы
словно между ними – застенок,
где прячут трупы?

Колыбельная Дьявола –
от неё человек засыпает,
становится сомнамбулой,
ходит, оступаясь,
бьет себя заранее, если совершает
что-то непростительное, неправильное,
или вдруг слова вылетают сами,
когда с друзьями
заходит разговор о твоих кошмарах,
говорить о которых нельзя.

Мы сидели и ржали о чем-то нежном,
лучше не сказать,
на твоей кровати,
я смотрел в глаза твои, камешки,
наполненные радостным светом.
В комнату зашел отец –
он держал пневматику,
реальный пистолет!
Чтобы показать нам,
как он хорошо простреливает фанеру.
В тот момент,
в момент выстрела и прострела,

я смотрел в глаза твои, камешки.
Никогда не забуду это –
это сдавленное страдание.
Я тогда впервые представил
всё, что было прежде.

*

Клетка очень узкая,
в ней невозможно встать и выпрямиться,
это – во спасение и во благо,
так говорят, размахивая пневматикой,
иногда стреляя в подушки,
чтобы было ясно, что можно сделать,
чтобы тварь вела себя правильно
и была послушной,
недостойная, искорёженная,
от которой нельзя отстать,
иначе она оправится от нормальности,
выйдет из-под контроля,
предаст, обманет,
ведь насилие – это способ
борьбы с неправильным,
принуждение – это часть всеблагого замысла.

Стремиться к свету, которого нет,
смотреть вверх, опуская голову,
презирать свою жизнь, и жить, восхваляя смерть.
Двойные послания –
вся жизнь должна состоять из двойных посланий,
чтобы человек превратился в маленького зверька,
в неотеника.
С каждой новой травмой
неотения разрастается,
возникает больше внутреннего пространства
для невидимого блуждания,
пока тело занято выполнением обязательств,
бытовых, этических,

государственных,
религиозно-обрядовых.
В эти моменты взгляд затуманивается,
ты смотришь в себя,
вспоминая детство, наполненное мертвецами.

*

Я слишком поздно приехал.
На столе стояла бутылка водки,
почти пустая,
для тебя, я знал, это слишком много.
Я держал тебя за ноги,
я был в отпуске,
твой отец поехал к мачехе,
почему-то жившей не с вами.
Я вытирал блевотину с пола
с чувством радости,
несмотря на всё, что услышал до,
про то, что мы не можем быть вместе,
это ведь неправильно.
Я тогда обнял тебя полностью,
с головы до ног,
мы лежали так очень долго,
рядом с тазом, с тряпками,
а потом – звонок, и ты вскакиваешь,
и бессвязной речью кричишь в трубу:
“Всё хорошо! Всё хорошо!”
“Приехал друг! Мы не пьянствуем!”
“Приехал друг!”
“У нас всё хорошо!”
Отец вернулся через 30 минут,
я уехал в ночь, я хотел остаться.

Сексуальность,
весь этот разврат, за который надо
стрелять из пневматики,
бить головой об стены,

держат на привязи, чтобы тварь
всегда находилась рядом,
боялась прикоснуться к гениталиям,
лежала там, где ей самое место,
заковать окна цепями,
не словесными – реальными,
теми, что я видел и трогал пальцами,
не получая ответа, зачем они –
только сказки;
про бабушку, про балет, про то,
какая плохая мама – целовала,
с любовью гладила,
обнимала ночью во время сна.

*

Я не знаю, что с тобой реально, котенька.
Этот твой кошмар – для меня фантастика.
Я не знаю правды,
я вижу только поверхность фактов,
уже столько лет я отравлен ими, как ядом!
Неотения!
Горькое проклятие
всех таких семей, жрущих нас как самости
в этих узких сталинках с безмерными потолками,
с полыми застенками, где хранятся тайны!

Это ли, моя страна, твои ценности,
тёмные традиции?
Это ли хотят сохранить на века
домашние диктаторы?
Вечное младенчество тех, кто служит им,
выполняя гнусные правила!
Тайные соучастия насильников с жертвами,
чтобы их оставили!
Скрытые тела между стенами!
Если это правда, то вся твоя слава – лживая!
Я не допущу её.

Уже не помню, как мы с тобой прощались.
Я писал тебе сообщения,
жуткие слова обо всех кошмарах,
которые мне тогда померещились –
про отца, про дьявола,
про источник страхов и привидений,
я тогда сказал столько горькой правды,
может, в ней солгал,
ждал разубеждений –
получил молчание,
ждал, что мы уедем, я столько звал тебя,
говорил о том, как люблю,
вождею без памяти, словно извращенец,
и другие глупости –
всё, что в этой сталинке – мерзость,
недостойная вечной славы,
высокой мудрости.

Пусть это останется здесь.

• СЕКС-БАКТЕРИИ

Когда я смотрю на тебя, я лишаюсь памяти.

Всё, что во мне трещит от обид и требований,
куда-то исчезает, как будто кривые камни
уносит вода, где сделает их покладистыми и гладкими.

Я не знаю, как – это магия твоего лица,
каким его вижу я, и только я, вероятно,
или это – наука обмена данными,
чистый переход информации из тела в тело.

Сексуальными чувствами пронизано всё живое,
и, в частности, сообщества, где ещё нет пола.

Я восхищаюсь бактериями,
их крохотными головками в жгутиках,
их отчаянным стремлением к жизни вечной.

Она для них не закрыта, как для животных – бактерии бессмертны, если их, конечно, не убить за что-нибудь.

Их клетки не стареют, у них нет срока, а ещё у них есть секс, но не для размножения.

Бактерии занимаются сексом не для продолжения рода, они просто делятся на две копии, если чувствуют, что их чашечка вот-вот перельётся.

Они занимаются любовью ради обмена, сливаются воедино, чтобы перемешать свои памяти.

Память у бактерий физична, как нити.

Секс у бактерий называется конъюгацией.

Всё, что мы зовем цветком на окне, или обезьянами, мы сами – огромное поле для их любви.

Каждый день в нас совершаются оргии.

Если бы не секс, бактерии умирали бы от антибиотиков полностью, в этом их спасение от наших кислотных дождей и кипящих рек.

Если кто-то из них вдруг помнит, как спастись от наших прекрасных ядов, нашей строгой жизни, полной охран и правил, секс с такой бактерией поможет им устоять, продолжить род, сохранить свою память, передать её новым бактериям.

Некоторые из них строят подобия городов – биоплёнки, которые мы всё знаем как зубной налёт, всю такую грязь.

В этой грязи развивается сложная иерархия,
мудрая политика, свободная экономика,
в ней есть самопожертвование и любовь.

Во время секса мы передаем друг другу бактерии,
мы их транспорт, метро, такси – что ближе.

Среди них есть как вредные, так и добрые.

Кто-то прямо сейчас передает их колонии.

Я за этот год выпил столько антибиотиков,
сколько никогда не пил вообще в жизни.

От любви к бактериям я как бы стал мягок,
стал приятным домом для их империй.

Каждый раз я думаю им: простите,
я бы вам отдал всё это тело даром,
если бы не знал, что я часть чего-то большего,
другого царства,
о котором вы никогда не узнаете.

Об авторе: РОСТИСЛАВ АМЕЛИН

Родился в Курске. Окончил Литературный институт им. А.М.Горького. Живет в Москве. Работает в библиотеке Некрасова. Автор книг стихов «Античный рэп» (М.: Atelier Ventura, 2015), «Ключ от башни. Русская готика» (АРГО-РИСК, 2018). Лонг-лист премии «Дебют» в номинации «Поэзия» (2013, 2015) и премии Аркадия Драгомощенко (2016, 2017). Стихи публиковались в «Знамени», «Воздухе» и других изданиях. Goşgular